

Суббота. 17 июля 1904 г.

№ 188 Годъ четырнадцатый. № 168.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Суббота, 17 июля 1904 г.

Pravim razgovor s njim, sa njegovim ocem, sa njegovim
 časovnikom, sa njegovim prijateljem.

Отдельные статьи должны быть доставляемы с указанием в заголовке автора. Принятые статьи, по усмотрению редакции подлежат редактированию и сокращению. Статьи без указания условий сотрудничества безвозмездны. Могут быть опубликованы, статьи оспариваются 1 месяц. Публикация рукописей обретает авторство рукописи на себе не имеет. Публикация выдается в авторский экземпляр от 10 до 1 часа дня. Публикация, редакция 20.

[illegible]

Чеховъ о себѣ самомъ.

Съ момента смерти А. П. Чехова въ печати стали появляться воспоминанія о покойномъ, его письма и вообще разнообразный біографическій матеріалъ. И съ каждымъ новымъ документомъ такого рода, оглашаемымъ въ печати, все болѣе и болѣе выясняется симпатичная личность покойнаго писателя, котораго, вѣдь его произведений, читающая публика при его жизни знала и могла знать, при его поразительной скромности, лишь крайне мало. Есть писатели, къ которымъ читателя тянетъ неудержимо, такъ какъ каждое ихъ произведение заставляетъ горячо желать познакомиться лично съ авторомъ этого произведения. Къ числу такихъ писателей принадлежалъ, напр., покойный Гаршинъ, читатели произведений котораго были вмѣстѣ съ тѣмъ и друзья автора. Къ такимъ же писателямъ принадлежитъ и Чеховъ. И нѣтъ сомнѣнія, что эта особенность дарованія Чехова, привлекающая симпатіи читателей не только къ произведениямъ писателя, но и къ его личности, болѣе практичнымъ человѣкомъ могла бы быть использована самымъ невыгоднѣйшимъ образомъ для его личной популярности. Чеховъ, однако, былъ всегда настолько скромнень, что всячески избѣгалъ популяризации своей личности. Онъ не давалъ для публикацій своихъ автобіографій, не сообщалъ газетнымъ интервьюерамъ трогательныхъ подробностей своей жизни въ юные годы, не одѣвался въ какіе-либо красные, зеленые костюмы, чтобы его сразу замѣчали всюду, гдѣ бы онъ ни показывался, вообще былъ чрезвычайно далекъ отъ всего, что пахнетъ рекламой и къ чему, къ сожалѣнію, такъ часто прибѣгаютъ въ настоящее время представители литературнаго міра. Избѣгалъ также Чеховъ выступать передъ публикою на разныхъ литературныхъ вечерахъ и вообще держался въ сторонѣ отъ всякаго рода слухаевъ, при которыхъ такъ легко ложиться лавры и апплодисменты. Вообще скромность нашего замѣчательнаго писателя была пропорціональна его таланту, и чѣмъ сильнѣе развивался послѣдній, тѣмъ скромнѣе держалъ себя Чеховъ и тѣмъ менѣе была известна его личность читающей публикѣ.

Неудивительно, что теперь, когда, послѣ его смерти, начинаютъ сообщаться въ печати свѣдѣнія о личности симпатичнаго писателя и его жизни, каждое такое сообщеніе прочитывается съ величайшимъ интересомъ. Но, конечно, ни одно воспоминаніе, ни одинъ документъ, публикуемые нынѣ и имѣющие отношеніе къ Чехову, не могутъ привлечь къ себѣ такого вниманія, какъ сообщенная г. Россолимо автобіографія Чехова, написанная имъ для альбома портретовъ его однокурсниковъ по университету (выпускъ московскихъ медиковъ 1884 года). Этотъ маленькій документъ, написанный все съ тою же, обыкновенною Чехову, скромностью, является драгоценнѣйшимъ документомъ для будущаго біографа покойнаго (такъ какъ,

безъ сомнѣнія, теперь наше общество получить, наконецъ, біографію одного изъ своихъ выдающихся умственныхъ вождей); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ документѣ этомъ содержатся и такіе любопытныя черты, на которыхъ очень и очень не лишне остановиться и въ настоящее время, такъ какъ онѣ въ значительной мѣрѣ разъясняютъ намъ любопытнѣйшій вопросъ о томъ, какъ смотрѣлъ самъ Чеховъ на свою собственную литературную работу и чѣмъ обусловлены нѣкоторыя особенности этой работы, въ значительной мѣрѣ именно и явившіяся причиною той чрезвычайной популярности, какую приобрѣли творенія Чехова въ сравнительно короткій срокъ, — того вліянія, какое онъ оказывалъ на наше общество.

На одномъ изъ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ Чехова, помѣщена слѣдующая цитата изъ „Трехъ сестеръ“: „Человѣчество страстно ищетъ и, конечно, найдетъ“. Изъ одного провинціальнаго городка была прислана въ редакцію „Русской Мысли“ телеграмма, въ которой выражается скорбь по случаю смерти писателя, „горячимъ словомъ будившаго читателя къ новой жизни, справедливой и прекрасной“. Мотивъ этотъ многократно повторялся въ надписяхъ на вѣнкахъ, присланныхъ на гробъ Чехова, и въ телеграммахъ, поступавшихъ со всѣхъ концовъ Россіи въ редакціи московскихъ періодическихъ изданій, въ особенности „Русской Мысли и „Русскихъ Вѣдомостей“. Эти документы, составленные безъ заранее обдуманнаго намѣренія, подъ вліяніемъ горя, постигшаго русскую интеллигенцію, — документы, въ которыхъ невольно искренне сказались оцѣнка нашимъ обществомъ произведений писателя, невольно отразилось то, что именно было особенно дорого обществу въ этихъ произведеніяхъ, — представляютъ огромный интересъ и чрезвычайную важность, какъ для оцѣнки произведений Чехова, такъ и для характеристики современнаго настроенія общества. Оказывается, что общество наиболѣе цѣнило въ произведеніяхъ Чехова исканіе „новой жизни, прекрасной и справедливой“, и притомъ общество любило Чехова не только за то, что онъ „ищетъ“ этой новой жизни, но и за то именно, что онъ „страстно ищетъ“ таковой. Общество внутреннимъ чувствомъ поняло, что въ этомъ изображеніи мелочей обыденной, скучной, сѣрой жизни заключается работа аналитика, который на основаніи изучаемыхъ законовъ этой дѣйствительности кладетъ основаніе новому зданію, указываетъ путь, — реальный, а не фантастическій — къ лучшему будущему, прекрасному и справедливому.

И вотъ всѣ почитатели Чехова, всѣ, кто понималъ истинное значеніе его произведений, не могутъ не быть глубоко обрадованными, узнавъ изъ только что опубликованной коротенькой (въ половину газетнаго столбца) автобіографіи Чехова, что онъ самъ такъ именно и смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность, что онъ видѣлъ въ ней работу изслѣдователя,

что онъ ставилъ эту работу въ тѣсную связь съ научною работою и считалъ обязательнымъ для себя, какъ беллетриста, чисто научный методъ. Нѣсколько строкъ автобіографіи, посвященныхъ этому предмету, положительно безцѣнны и мы приведемъ ихъ здѣсь, хотя автобіографія уже была перепечатана въ „Приазовскомъ Краѣ“. Вотъ что говоритъ Чеховъ о своей близости къ точной наукѣ:

„Не сомнѣваюсь, занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность: они значительно развили область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ писатель; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось *избѣгнать многихъ ошибокъ*. Знакомство съ естественными науками, съ *научнымъ методомъ* всегда держало меня насторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, *сообразиться съ научными данными*, а гдѣ невозможно, *предпочитать не писать вовсе*. Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; *и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать*“.

Чеховъ писалъ свою автобіографію для товарищей-врачей, и потому онъ лишь слегка коснулся вопроса о значеніи своей литературной дѣятельности, какъ онъ самъ его понималъ, — задачи, которую онъ ставилъ себѣ въ этой дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, изъ приведеннаго отрывка съ ясностью видно, какъ смотрѣлъ Чеховъ на эту задачу. Онъ ставилъ на первый планъ наблюденіе, опирающееся на научныя данныя; онъ приимѣнялъ къ своей работѣ научный методъ, т. е. тотъ методъ изслѣдованія, котораго держится наука (индукція и обобщеніе), онъ всего менѣе имѣлъ въ виду «доходить до всего своимъ умомъ», и тамъ, гдѣ у него не было матеріала, собраннаго и поддающагося научной обработкѣ, онъ «предпочиталъ не писать вовсе».

До какой степени все это далеко отъ разсужденій тѣхъ критиковъ, которые въ свое время такъ торжественно объявляли творчество Чехова «безсознательнымъ», которые сравнивали это творчество съ фотографическимъ аппаратомъ, отражающимъ механически все, что становится передъ его камеръ-обскурой.

Лучшій отвѣтъ на все это дала дѣйствительность. То, что имѣло мѣсто во время погребенія Чехова, ясно показало, что между покойнымъ писателемъ и читателями установилась такая тѣсная связь, какой только можетъ пожелать писатель. А какое вліяніе оказали произведенія Чехова на читателей, какого рода „смуту“ породили въ ихъ душахъ эти произведенія, наглядно показываетъ содержаніе тѣхъ безконечныхъ телеграммъ, которыя были присланы въ Москву ко дню погребенія Чехова изъ всѣхъ концовъ Россіи. Въ глухомъ Мосальскѣ оплакиваютъ Чехова, какъ „горячо любимаго писателя, болѣвшаго душой за русскую интеллигенцію, горячимъ словомъ будившаго читателя къ новой жизни, справедливой и прекрасной“. Въ Рязани въ Чеховѣ цѣнили „борца съ житейскою пошлостью“. Врачи московскаго уѣзднаго

земства скорбятъ о „писатель-другѣ“, который „всю жизнь клеймилъ торжествующую пошлость, неправду и уродство нашей будничной жизни въ правдивыхъ образахъ и картинахъ“, но который, вмѣстѣ съ тѣмъ, будилъ „надежду на лучшее, здоровое, свободное будущее“ и призывалъ къ нему. Слушательницы московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ выражаютъ свою скорбь „объ уtratѣ дорогаго писателя, учившаго насъ любить и жалѣть хмурыхъ людей и укрѣплявшаго въ насъ надежду на лучшую, красивую и изысканную жизнь“. Студенты Константиновскаго межевого института удостовѣряютъ, что „каждое новое произведеніе Чехова заставляло насъ жить и волноваться“ и т. д., и т. п.

Читатели, какъ видимъ, всего менѣе согласны съ суровою критикою, упрекавшею Чехова въ „безразличіи и безучастіи“. Оказывается, что и Чеховъ писалъ свои произведенія не только не какъ „механическій аппаратъ“, а съ любовью къ людямъ и съ чувствомъ величайшаго страданія за неустройство человѣческой жизни, и читатели произведений Чехова заставляли „жить и волноваться“, вызвали въ немъ очень опредѣленное настроеніе любви къ сѣрымъ, хмурымъ людямъ и стремленіе къ лучшей, прекрасной и справедливой жизни.

Наконецъ, документъ, оставленный намъ самимъ Чеховымъ, написанный имъ отнюдь не для публики, а для товарищей-однокурсниковъ, цитированная выше автобіографія, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Чеховъ реагировалъ на впечатлѣнія не только не сходно съ фотографическимъ аппаратомъ, а какъ разъ, въ прямую противоположность, уже съ момента наблюденія онъ поступалъ совершенно сознательно, производя эти наблюденія надъ дѣйствительностью согласно требованіямъ научнаго метода, и точно также, согласно тому же научному методу, сортировалъ эти наблюденія, выбиралъ изъ нихъ наиболѣе цѣнное, подвергалъ научной обработкѣ и преподносилъ читателямъ уже только то, что отвѣчало требованіямъ научнаго знанія, а въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было руководиться указаніями науки въ наблюденіи и оцѣнкѣ его результатовъ, Чеховъ «предпочиталъ вовсе не писать».

Это драгоценное указаніе Чехова, несомнѣнно, побудитъ людей, вооруженныхъ спеціальными познаніями, выяснить намъ, читателямъ, какое именно вліяніе точное знаніе оказало на творчество Чехова. Въ этомъ смыслѣ далъ уже обѣщаніе надъ могилою Чехова извѣстный психіатръ Баженовъ, авторъ ряда монографій, посвященныхъ разбору литературной дѣятельности нѣкоторыхъ нашихъ писателей съ точки зрѣнія научной психологіи (особенно замѣчательнѣе изъ о Гаршинѣ). Но и для критика литературныхъ произведений указаніе Чехова на его сознательное отношеніе къ своей литературной дѣятельности, на подчиненіе ея требованіямъ науки, въ высшей степени цѣнно и, несо-

мнѣнно, послужитъ путеводною звѣздой при оцѣнкѣ произведений Чехова и ихъ значенія для умственнаго и нравственнаго развитія русскаго общества. Это указаніе не только избавитъ критика отъ ошибокъ, но и дастъ твердую почву при изслѣдованіи всѣхъ деталей разсказовъ, повѣстей и драмъ Чехова. Теперь мы знаемъ, что каждая деталь этихъ произведений была не только обдумана Чеховымъ, но и подвергалась имъ сравненію съ требованіями науки, и потому мы должны будемъ относиться съ особенною осторожностью къ оцѣнкѣ того, что намъ можетъ казаться не достаточно яснымъ, недостаточно опредѣленнымъ. Скорѣе въ этомъ будемъ виноваты мы сами, наша недостаточная подготовка, нежели художникъ, который ни на минуту не забывалъ, что все, что онъ пишетъ, должно «сообразиться съ научными данными» и который предпочиталъ не писать вовсе, разъ у него не было для этого достаточныхъ указаній науки, нежели „доходить до всего своимъ умомъ“.

Я. Абрамовъ.